Комментарий
5 октября 2021

Паралич российско-западных отношений

Евгений Прейгерман

Резюме

Недавняя статья о переговорном тупике в Нормандском формате по Украине, опубликованная в российском «Коммерсанте», вполне может претендовать на то, чтобы быть включенной в списки обязательной для изучения литературы в университетских программах по международным отношениям и истории современности. Всего на нескольких страницах она не только рассказывает о фактическом положении дел вокруг дипломатических попыток урегулировать кризис на Донбассе, но и косвенно представляет емкое и точное описание всего комплекса отношений между Россией и Западом три десятилетия после окончания Холодной войны.

Содержание

1 Нет модели компромисса
2 В плену застрявшего времени
3 Признать очевидное

Опубликовано в Global Brief

Нет модели компромисса

Начиная с 2014 года, украинский кризис стал не просто водоразделом и точкой невозврата в российско-западных отношениях, а концентрированным отражением копившихся в этих отношениях противоречий. И продолжает быть таковым – своего рода витриной тупика между Москвой и Западом (правда, сегодня сама концепция Запада кажется все менее содержательной, но это тема для отдельной дискуссии). Украинский кризис и случился-то потому, что западные и российские политики не смогли найти способ преодолеть свои объективные геополитические противоречия. И с момента возникновения кризиса эти противоречия лишь усугубились, на них стали накладываться все новые сложности и обстоятельства международных отношений. В результате потеряны

тысячи жизней, разрушены огромные площади инфраструктуры, радикально изменены траектории миллионов человеческих судеб – то есть кризис явно общеевропейского масштаба, – а даже проблесков света в конце переговорного тоннеля за более чем шесть лет так и не появилось. Минские соглашения, остановившие массовое кровопролитие, так и остались единственно возможным достижением международной дипломатии по Донбассу.

Объяснить это нерадостное положение дел легко. Оно стало понятным уже в ходе Нормандского саммита в Минске в феврале 2015 года: элементарно отсутствует модель компромисса, которая бы могла совместить все ключевые интересы стейкхолдеров этого конфликта. И именно этим объясняется паралич в российско-западных отношениях в целом: в них также отсутствует модель компромисса, способная удовлетворить хотя бы базовые интересы участников. К слову, сформулировать, в чем именно в действительности заключаются эти интересы, не так и легко, как многим кажется. По крайней мере, очевидно, что реальные противоречия куда глубже и сложнее, чем практически не меняющийся уже два десятилетия рамочный политический и медийный дискурс с обеих сторон.

В плену застрявшего времени

В рамках этого дискурса Запад продолжает убеждать сам себя в том, что без либеральных реформ и политического транзита Россия обречена на потрясения и международную изоляцию. Сохраняется фиксация на, казалось бы, «бородатых» дискуссиях о траектории развития России: демократизируется она и стремится «стать похожей на нас» или же наоборот становится все более авторитарной? Именно эти дискуссии в предыдущие десятилетия задавали тон в процессе публичной выработки политики стран Запада в отношении России.

И эта же пластинка, как будто мы все еще в 2000-м году, продолжает крутиться сегодня: мол, внутренние события в России в n-ый раз доказали, что с Москвой никаких дел иметь нельзя. Поэтому, например, новому правительству Германии известные аналитики настоятельно рекомендуют «перестать жить прошлым» и кардинально изменить традиционные для немецкой внешней политики подходы к отношениям с Россией. При этом сложно сказать, кто же все-таки в большей степени живет прошлым: те самые политики, к которым апеллируют такие авторы, или же сами эти авторы. Как минимум, аргументация последних точно так же из прошлого (из ушедшего мира «конца истории»), как и надежды

некоторых политиков, что можно просто провозгласить «новую Восточную политику», которая быстро снимет все напряжение и приведет к желаемым результатам, как когда-то Ostpolitik Вилли Брандта.

Примерно такая же картина застрявшего во времени дискурса и на российской стороне. Только акценты и ожидания совсем другие. Москва уперлась в основном лишь в констатацию и смакование конца западной гегемонии, что зачастую выглядит как обычное человеческое злорадство, нежели отправная точка для выработки новой политики в отношении Запада. Также это выдает чрезмерно прямолинейное представление (или просто желание так думать?) о том, что все дороги для теряющего гегемонию Запада в любом случае ведут в Москву. Поэтому, мол, пока разговаривать там не с кем, но по мере нарастания внутренних противоречий и геополитической конкуренции между США и Китаем Запад целиком или частями созреет до равноправного и уважительного диалога с Россией.

Признать очевидное

Проблема, разумеется, не только в мировоззренческом тупике и идейном вакууме. И совсем даже не в них, хотя последние годы об этой проблеме исписаны тысячи страниц аналитических и не очень аналитических текстов. Реальная проблема гораздо глубже и системнее. Мировоззренческие противоречия, которые действительно можно было бы устранить (или хотя бы рассчитывать на это) за счет взаимного убеждения и доброй воли, накладываются на структурные изменения как всей системы международных отношений, так и политических раскладов внутри западных государств и России. И пока эти структурные трансформации не приобретут очевидных очертаний, невозможен даже просто продуктивный разговор о том, что делать с мировоззренческими противоречиями. Ровно также невозможно изменить мировоззрение «той стороны» посредством мягкой силы или разного рода активных мероприятий.

Лучшее, что и Россия, и ее западные партнеры/оппоненты могут сделать с этим очевидным выводом, это просто признать его. Уже только это позволило бы избежать многих иллюзий, а также сэкономить время и денежные и эмоциональные ресурсы на бесполезные поиски решений для нерешаемых проблем.

Также это позволило бы полностью сконцентрироваться на действительно важной практической задаче – минимизировать и контролировать реальные военные риски. Многократно в истории именно войны и масштабные кризисы «приводили

в чувство» политиков, военных и дипломатов и тем самым способствовали выходу тех или иных отношений из паралича. Сейчас, повторюсь, происходит ровно противоположный процесс: украинский кризис (а вместе с ним и ряд других недавних кризисов) лишь еще больше осложнил конфликтный пазл между Россией и Западом, повысив градус и масштаб конфликтности.

Поэтому все труднее надеяться, что при новой резкой эскалации напряженности Запад и Россия смогут остановиться у красной черты и избежать очередной трагедии. Да, наличие ядерного оружия снижает вероятность самых трагических событий. Но, как мы хорошо знаем из истории и теории (парадокс «стабильности-нестабильности»), этот фактор, к сожалению, совсем не синонимичен отсутствию потрясений.

Упомянутая статья в «Коммерсанте» заканчивается цитатой анонимного источника издания в российских госструктурах: «Получается, все делают вид, что готовят саммит». Если Россия и Запад не признают очевидного в их отношениях, то такой вид им придется делать еще очень долго...

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»